

ДОЛГОЕ МГНОВЕНИЕ

Виктор РОЗОВ

ЕСТЬ такие драматические произведения, встреча с которыми всегда ожидание: «Гамлет», «Чайка», «Женитьба Фигаро», «Горе от ума»...

Постановка трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» — ожидание особого рода. Видимо, оттого, что сценическая жизнь «Бориса Годунова» окутана тайной. Суть этой тайны заключена в том, что ни один театр не осилил еще в полной мере эту вершину русского драматического искусства.

И вот новый штурм. На этот раз по телевидению.

Первые титры: «Литературный театр. «Борис Годунов» А. С. Пушкина». «Фрагменты».

Голос. Читает отрывок из письма Пушкина Вяземскому: «...никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!». Удивительно знакомый голос, но чей — вспомнить не могу.

Худошавое вдумчивое лицо чтеца. Он тоже читает маленький отрывок и тоже из письма Пушкина к Вяземскому. «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кри-

чал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!» Чтец умолкает, склоняется над книгой, и я как бы начинаю вместе с ним читать бессмертную трагедию.

Каждое лицо возникает отдельно. Вот появился Шуйский... Воротынский... Идет их знаменитый первый диалог. Это не драматическая игра и не чтение — какая-то новая манера раскрытия текста... Действующие лица произносят реплики, как бы проникая, вдумываясь в их глубинный смысл.

Трагедия разворачивается неторопливо, но сила накала ощущается почти сразу. Нет ни общего плана, ни среднего, только первый — крупный. В кадре одно лицо, реже два, совсем редко три. Все они возникают как бы в тот момент, когда Пушкин пишет имя действующего лица, произносящего реплику или монолог... Разумеется, не с арифметической последовательностью... Ракурсы выразительные. Оператор снимает нутро персонажа, не его внешний вид.

Снова чтец. Он просто слушает текст, вдумы-

вается в его смысл. Нет, да и сам прочтет одну-две реплики. И я вместе с ним чувствую себя сегодня читающим о событиях давно прошедших лет. «Минувшее проходит предо мною — Давно ль оно неслось, событий полно, волнуясь, как море-окиян?» Давно. Но захватывающее интересно. Да, волновалось, как море-океан.

У каждого своя правда и свои цели. И у царя Бориса: «Достиг я высшей власти». Цель достигнута. Как удержать эту власть? Чернь неблагодарна и злобна, бояре коварны, а литовцы и поляки замышляют поход на Русь.

И самозванец — дерзкий, порывистый, смекалистый и... глупый. «...что еще выдумал! буду царем на Москве! Ах он, сосуд дьявольский!»

И бояре. Обидно им: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач, возмет венец и бармы Мономаха...»

Ох, уж эта шапка Моно-

маха, тяжела! Но сколько рук тянется к ней!..

Знаменитая сцена на площади. На экране мелькают лица — юродивый, царь, бояре. Они не говорят. Но тот же голос за кадром, что начинал спектакль, произносит все реплики.

Узнал я его! Это голос знаменитого нашего чтеца Владимира Яхонтова! Когда-то молодым человеком я присутствовал на премьере чтения Яхонтовым «Бориса Годунова». Прошлое сомкнулось с настоящим... Трагически беспомощны два детских личика — Ксения и Феодора Годуновых. Убийственно беспощадное лицо Мосальского, идущего к детям. Легкий стон... Легкий, но леденящий душу.

«Народ. Слышишь? визг — это женский голос. Взойдем! — Двери закрыты — крики замолкли.

(Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.)».

Глаз невозможно оторвать от этого страшного лица.

Голос чтеца: «...кричите:

да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует».

Тяжка была для него власть Бориса Годунова... Но безмолвствует... Не знает, что получит взамен.

У народа тоже своя правда. Он хочет жить лучше.

Полтора часа у телевизора проходят и как долгое время, и как мгновение. Пушкинский стих, пушкинский ум, пушкинское осмысление истории.

Пахнуло далеким, но свежим. Нет надоевших пыльных шуб, приклеенных бород, псевдонародного говора. Нет ни театральной постановки, ни кинематографичности. Это особая постановка, телевизионная. Актеры играют не вразнобой, не на разные голоса — одна общая интонация, глубокая и напряженная. Борис, Самозванец, Шуйский, Воротынский... Н. Волков, А. Грачев, Л. Броневой, И. Кастрель. Все на своих местах. Даже роль патриарха — крупная, выразительная, хотя появляется он всего на минуту.

Особо хорош Самозванец — Грачев, то что говорят — вылитый. Нет завзяттого героя-любownika, есть интереснейшая личность.

Оформлена постановка скупой, почти все идет на черном фоне. Мелькнув на фоне, русскую иконопись, да толь-

ко на мгновение, как штрих того далекого времени. Нечего разглядывать, слушать текст. Сочетание народных хоров, колокольного звона с музыкой Прокофьева — цельное музыкальное оформление, также глубокое и сильное.

Недостатки в постановке, наверное, есть, но о них пусть скажут другие. Когда нравится, хочется продлить на душе чувство удовлетворения, не разрушать его цельность критическим ковыряньем.

Но об одном недостатке скажу. Я бы хотел видеть и слышать не фрагменты, а полностью всего «Бориса Годунова». Каждую строчку! Пусть и каждую ремарку!..

Если меня спросят, что же вам больше всего понравилось в этой телевизионной постановке Анатолия Эфроса, — отвечу одним словом: свежесть!

И еще. Сразу же после передачи взял с полки синенький томик Пушкина, посмотрел в оглавление, открыл на 219-й странице и стал перечитывать «Бориса Годунова».

Мир. газ. 1971, 16 июня